

A man in a dark military uniform and a peaked cap stands in silhouette, looking at a large map or blueprint he is holding. In the background, a rocket with red and white segments is launching, creating a massive, bright orange and yellow plume of fire and smoke against a dark sky. The scene is set at dusk or dawn, with a few stars visible in the upper left.

Владимир Кожевников

Воронов.
Лунный рывок

Владимир Кожевников
Воронов. Лунный рывок

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Воронов. Лунный рывок / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Москва, 1962 год. Карибский кризис отгремел, но холодная война продолжается. Дмитрий Воронов — человек из 2024 года, оказавшийся в теле молодого инженера, — знает то, чего не знают другие: советская лунная программа обречена. Н-1, ракета, которая должна была доставить космонавтов на Луну, взорвётся четыре раза. Американцы уже работают над «Сатурном-5», и время уходит. Воронов предлагает революционную систему управления, способную изменить всё. Но за каждым его шагом следят. Саботаж, шпионаж, угрозы близким — враг не остановится ни перед чем. Чтобы спасти проект, Воронову придётся перехитрить иностранных агентов, найти предателя внутри команды и завоевать доверие самого Королева. На кону — будущее страны. Сможет ли человек из будущего изменить ход истории и первым шагнуть к звёздам?

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звёздный вызов	5
Глава 2. Тайные расчёты	7
Глава 3. Битва на техсовете	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Воронов. Лунный рывок

Глава 1. Звёздный вызов

Москва, ноябрь 1962 года. Город ещё не отошёл от Карибского кризиса, который казался началом конца света. Запах гари и бензина витал в воздухе, смешиваясь с прелыми листьями, которые ветер гнал по тротуарам. Люди на улицах ходили с опущенными головами, разговоры были тихими, а в глазах застыла та особенная усталость, которая приходит только после того, как заглянешь в бездну.

Дмитрий Воронов сидел в своём кабинете в НИИ-88, на окраине Москвы. Кабинет был маленьким, заставленным старыми шкафами с папками. На стене, в потёртой рамке, висел портрет Сергея Павловича Королева, который Воронов повесил сам, когда его перевели сюда месяц назад. Он смотрел на этого человека, чьи глаза на фотографии горели той же одержимостью, что и у него самого. Воронов знал то, чего не знал никто в этом здании.

Он знал, что Королев умрёт через четыре года. От рака. От переутомления. От бесконечных интриг и борьбы за ресурсы. И его смерть станет началом конца советской космической программы. Н-1, ракета, которая должна была доставить советских космонавтов на Луну, взорвётся четыре раза подряд. Каждый раз на старте. Каждый раз — с оглушительным грохотом, который будет слышен на сотни километров вокруг. И Америка высадится на Луну в 1969 году, оставив СССР в роли догоняющего.

Воронов закрыл глаза и провёл рукой по лицу. От этой мысли у него начинала болеть голова. Он провёл в этом времени уже больше года, и за этот год он успел многое. Он научился выживать. Он научился играть по чужим правилам. Он научился быть Вороновым — молодым техником-наладчиком с сомнительным прошлым и тёмными секретами. Но он не мог научиться одному: сидеть сложа руки и наблюдать, как история идёт по проторенному пути.

Он не был гением. Не был Королёвым. Не был фон Брауном. Он был просто человеком, который учился в школе в 2010-х, который смотрел YouTube-каналы про космос, читал Википедию и играл в Kerbal Space Program. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять главное: советская лунная программа провалилась не из-за отсутствия талантов. Она провалилась из-за системы управления. Тридцать двигателей Н-1 должны были работать синхронно, но аналоговые вычислители 1960-х годов не могли обеспечить нужной точности. Это была инженерная проблема, и у него было её решение.

Он знал, что нужно сделать. Нужно было заменить аналоговую систему управления на нечто, что работало бы быстрее и точнее. В его время это решили бы с помощью микропроцессоров. Но в 1962 году микропроцессоров не было. Однако была идея, которую в реальной истории так и не реализовали: система управления на основе электромеханических гироскопов с частотной модуляцией. Проект был разработан в 1959 году группой инженеров, но его закрыли как «слишком сложный и дорогостоящий». Воронов знал об этом проекте из мемуаров, которые читал в своей прошлой жизни. Он знал, что это было ошибкой. И он был готов исправить её.

— Что ты там читаешь? — раздался голос за спиной.

Воронов вздрогнул и обернулся. В дверях стоял его начальник, главный инженер НИИ-88 Алексей Петрович Громов. Это был высокий, седовласый мужчина с тёмными, пронзительными глазами и вечно усталым лицом. Он носил старый пиджак с потёртыми локтями и всегда пах табаком и кофе.

— Техническую документацию, — ответил Воронов, захлопывая папку. — Изучаю систему управления для нового носителя.

— Н-1? — спросил Громов, подходя ближе и заглядывая в папку.

— Да.

Громов вздохнул и сел на стул напротив. Стул скрипнул под его весом. Он потер уставшие глаза, и Воронов заметил, как сильно постарел этот человек за последние месяцы.

— Ты знаешь, Воронов, это безнадёжный проект. Королев бьётся над Н-1 уже несколько лет, но у него нет ресурсов. Его соперник, Челомей, лоббирует свою ракету УР-500. Он обещает Хрущёву более дешёвый носитель, и его голос слышат в Кремле. Американцы уже вовсю работают над «Сатурном-5». Мы проигрываем. Мы проигрываем, потому что у нас нет единого плана, нет единого руководителя, нет денег. И, честно говоря, я не вижу выхода из этой ситуации.

— Я вижу, — сказал Воронов, и его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал.

Громов поднял бровь.

— И что же ты видишь?

Воронов замялся. Он не мог сказать правду. Не мог сказать, что знает будущее. Не мог сказать, что он — человек из 2024 года, для которого все эти ракеты и конструкторы были страницами учебников. Он мог только предложить техническое решение.

— Мы должны пересмотреть схему управления двигателями, — сказал он, раскрывая папку и вынимая лист с расчётами. — У Н-1 слишком сложная система синхронизации тридцати двигателей. Она построена на аналоговых вычислителях, которые не могут обеспечить нужную точность. Отклонение в синхронизации даже на доли секунды приводит к катастрофическим вибрациям. Я предлагаю использовать систему управления на основе гироскопической стабилизации с частотной модуляцией. Это позволит синхронизировать двигатели с точностью до 0,01 секунды.

Громов взял лист и начал читать. Его лицо оставалось непроницаемым, но Воронов заметил, как его пальцы слегка дрожат.

— Это очень интересно, — сказал он наконец. — Но откуда у тебя такие знания? Ты техник-наладчик, а не инженер-конструктор. У тебя нет высшего образования.

— Я много читаю, — сказал Воронов, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения. — И я провёл некоторые расчёты. Я могу доказать, что это сработает. Мне нужна только возможность создать экспериментальный стенд.

Громов долго смотрел на него. В его глаза читались сомнение, любопытство и, кажется, надежда.

— У тебя есть две недели, — сказал он наконец. — Подготовь полное техническое обоснование. Если ты сможешь убедить меня, я доложу руководству. Но знай, Воронов: если ты ошибаешься, это может стоить тебе карьеры. И не только карьеры.

Воронов выдохнул. Он знал, что это его шанс. Шанс изменить историю. Шанс спасти советскую лунную программу. Шанс сделать то, ради чего он оказался в этом времени.

— Я не ошибусь, — сказал он.

Глава 2. Тайные расчёты

Две недели, которые дал ему Громов, пролетели как один миг. Воронов работал день и ночь, почти не выходя из кабинета. Он перерыл все доступные технические архивы, изучил схему Н-1 до последнего винтика и начал делать расчёты.

Кабинет постепенно превратился в штаб космической войны. Стены были увешаны схемами двигателей, чертежами камер сгорания, графиками тяги и удельного импульса. На столе громоздились стопки бумаг, исписанных мелким, торопливым почерком — Воронов работал так, как будто за его спиной стоял кто-то с секундомером. Он знал, что время уходит, и каждая минута промедления приближает американцев к победе в лунной гонке.

Проблема Н-1 заключалась не только в двигателях. Вся система управления была построена на аналоговых вычислителях, которые не могли обеспечить достаточную точность синхронизации. В его время, в 2024 году, эту проблему решили бы с помощью цифровых систем и микропроцессоров. Но в 1962 году микропроцессоров не существовало. Транзисторы только начинали вытеснять радиолампы, и даже они были дефицитом — их выпускали по специальным квотам для военных и космических программ.

Однако у Воронова была идея. Он помнил, что в истории советской космонавтики существовал проект системы управления на основе электромеханических гироскопов — устройства, которое могло стабилизировать ракету в пространстве с высокой точностью. Этот проект, разработанный в конце 1950-х годов группой инженеров под руководством академика Ишлинского, был закрыт по бюрократическим причинам. Кто-то в Министерстве решил, что он слишком дорогой и сложный. Воронов знал: это была фатальной ошибкой. Если бы советские инженеры довели ту систему до ума, Н-1 могла бы стать самой надёжной ракетой в мире.

Теперь Воронов решил возродить эту идею и адаптировать её к Н-1. Он сидел за столом, исписывая лист за листом, и чувствовал, как внутри растёт напряжение. На столе лежала стопка справочников по гироскопии, электромеханике и теории автоматического управления. Он читал их так, как будто готовился к экзамену, который мог стоять ему жизни. С каждым часом его уверенность росла: он начинал понимать, как можно объединить гироскопы с системой частотной модуляции, чтобы добиться синхронизации двигателей с точностью до долей секунды.

В комнате пахло бумагой, чернилами и усталостью. На стене висела большая схема Н-1 с пометками, сделанными карандашом. Воронов вставал, подходил к ней, водил пальцем по линиям и что-то шептал. Он чувствовал себя как архитектор, который строит здание будущего. Он знал, что, если его расчёты окажутся верными, это здание может изменить мир.

— Ты ещё здесь? — раздался голос из-за спины.

Воронов вздрогнул и обернулся. В дверях стояла молодая женщина в белом халате. Это была инженер-конструктор отдела, Екатерина Сергеева. Она работала в соседнем кабинете и часто задерживалась допоздна. Воронов заметил это в первые дни своей работы: она всегда уходила позже всех, иногда в полночь, иногда под утро. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени, но глаза горели тем же огнём, что и у него.

— Да, — ответил Воронов, потирая глаза. — Работаю над проектом.

— Я вижу, — сказала она, подходя ближе. — Но ты уже который день здесь. Ты даже не уходишь домой. Я видела, как ты спишь на стуле вчера вечером.

— Это не важно, — сказал Воронов, отворачиваясь к чертежам. — У меня мало времени.

— Что это за проект? — спросила она, останавливаясь рядом и заглядывая в его бумаги.

— Система управления для Н-1.

— Н-1? — она удивлённо подняла брови. — Это же безнадёжный проект. Все говорят, что он провалится. Королев борется с бюрократами уже несколько лет, а результата нет. Американцы уже обогнали нас.

— Я так не думаю, — сказал Воронов, и в его голосе прозвучала твёрдость. — У меня есть идея, которая может изменить всё.

Она наклонилась ближе, рассматривая его расчёты. Её тёмные волосы упали на лицо, и она машинально убрала их за ухо. Воронов заметил, как её пальцы дрожат — то ли от холода, то ли от волнения.

— Это интересно, — сказала она, проведя пальцем по одной из формул. — Ты используешь гироскопическую стабилизацию? Но это же старая идея. Ишлинский предлагал её ещё в 1959 году, но проект закрыли.

— Я знаю, — сказал Воронов. — Но у меня есть новый подход.

— Какой?

— Мы можем объединить гироскопы с частотной модуляцией. Это позволит синхронизировать двигатели с точностью до тысячных долей секунды. Обычные аналоговые вычислители не способны на такую точность, а у нас нет цифровых систем. Но частотная модуляция — это выход. Она работает на принципе сравнения фаз сигналов, и её можно реализовать с помощью существующих компонентов.

Екатерина долго молчала, вглядываясь в формулы. Потом она подняла голову, и в её глазах зажглось любопытство.

— Ты уверен, что это сработает?

— Я провёл расчёты. Теоретически — да. Но нужен экспериментальный стенд, чтобы проверить на практике.

Она посмотрела на него долгим взглядом, потом улыбнулась. Это была лёгкая, почти неуловимая улыбка, которая делала её лицо моложе и теплее.

— Знаешь, Воронов, — сказала она, — я работаю здесь уже три года. За это время я видела много инженеров, которые предлагали гениальные идеи. Но почти все они были либо слишком сложными, либо слишком дорогими. Твоя идея — рискованная. Но если она сработает, это будет настоящий прорыв.

— Я знаю, — сказал Воронов. — Поэтому я и не могу остановиться.

Она кивнула, потом села на соседний стул и взяла его расчёты в руки. Воронов не ожидал этого, но он не стал возражать. Он чувствовал, что она может стать его союзником.

— Слушай, — сказала она, перелистывая страницы. — Ты хочешь создать стенд. Для этого нужны детали. Детали, которых у нас нет. Я могу помочь тебе достать их. У меня есть знакомые на складе, которые иногда закрывают глаза на лишние заявки.

Воронов удивлённо поднял бровь.

— Зачем тебе это?

Она пожала плечами.

— Мне надоело смотреть, как наша космическая программа проваливается. Я хочу сделать что-то реальное. А ты, кажется, единственный здесь, кто не боится рисковать.

Воронов смотрел на неё, и внутри него разливалось тепло. Он не ожидал найти союзника здесь, в этом мрачном институте, где каждый боялся сделать лишний шаг.

— Спасибо, — сказал он. — Я не знаю, как отблагодарить тебя.

— Для начала — доведи этот проект до конца, — сказала она, поднимаясь. — Я помогу тебе с деталями, а ты сделаешь то, что должен сделать.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась.

— И, Воронов, — сказала она, обернувшись. — Ты должен быть осторожен. В этом институте есть люди, которые не хотят, чтобы такие проекты, как твой, были реализованы. Я не знаю, кто они, но они есть.

Она вышла, оставив Воронова одного с его мыслями. Он смотрел на дверь, которая закрылась за ней, и чувствовал, как внутри растёт решимость. У него появился союзник. И теперь он знал, что не один.

Он вернулся к расчётам. Ночь за окном сгущалась, но он не чувствовал усталости. Он думал о том, что Екатерина сказала перед уходом: «В этом институте есть люди, которые не хотят, чтобы твой проект был реализован». Он знал, что она права. Саботаж начался ещё до того, как он сделал первый шаг. И он должен был быть готов.

Глава 3. Битва на техсовете

Две недели истекли. Воронов чувствовал, как внутри всё сжимается от волнения. Сегодня должно было решиться всё. Он подготовил полный доклад, чертежи и расчёты. Каждая страница была выверена, каждая формула проверена трижды. Он работал как одержимый, и теперь настал момент истины.

В актовом зале НИИ-88 собрались ведущие инженеры и конструкторы. В первом ряду сидел Громов, рядом с ним — заместитель директора института, грузный мужчина с тяжёлым взглядом. В заднем ряду Воронов заметил незнакомого человека в строгом костюме. Он был молод, но его глаза смотрели с холодной внимательностью. Воронов сразу понял, что это кто-то из Министерства. Возможно, из отдела, который принимал решения о финансировании космических программ.

Воронов вышел на трибуну. Ладони вспотели, и он сжал их в кулаки, чтобы унять дрожь. Он начал говорить, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Он объяснил проблему Н-1, показал недостатки существующей системы управления и предложил своё решение. Он говорил о гироскопах, о частотной модуляции, о новой системе синхронизации. Каждое слово было выверено, каждый аргумент подкреплён расчётами.

— Основная проблема Н-1, — говорил он, — заключается в том, что её тридцать двигателей должны работать синхронно. Даже небольшое отклонение в синхронизации приводит к катастрофическим вибрациям, которые разрушают ракету. Существующая аналоговая система управления не может обеспечить нужной точности. Я предлагаю заменить её на систему, основанную на гироскопической стабилизации с частотной модуляцией. Это позволит синхронизировать двигатели с точностью до 0,001 секунды.

В зале было тихо. Все слушали внимательно, но Воронов чувствовал на себе скептические взгляды. Инженеры старой школы не любили новшеств. Они верили в проверенные решения, и любое отклонение от привычного пути воспринималось как угроза.

— Это невозможно! — сказал один из инженеров, пожилой мужчина с седыми усами и генеральскими погонами. — Мы не можем использовать частотную модуляцию, у нас нет для этого оборудования. И потом, это слишком сложно для наших условий. Мы работаем на пределе технологических возможностей, и вы предлагаете нам перейти на систему, которая требует совершенно нового уровня точности.

— Это слишком дорого, — добавил другой. — У нас нет бюджета на такие эксперименты. Н-1 и так поглощает все ресурсы. Если мы начнём перестраивать систему управления сейчас, мы отложим запуск на годы. Американцы не будут ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.